

ДЖОНАС ПРОСТ

АРГУМЕНТ «ПИСЬМА О ТОЛЕРАНТНОСТИ», В КРАТКОМ РАССМОТРЕНИИ, И ОТВЕТ НА НЕГО*

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-239-253.

В начале этого письма автор говорит о «взаимном признании христиан в их различных религиозных исповеданиях». Но к концу он утверждает:

Если позволено быть правдивым и открыто сказать о том, что является взаимным долгом людей друг перед другом, то я считаю, что даже язычник, или магометанин, или иудей не должны отстраняться от государственной жизни по религиозным соображениям¹.

И все, что он требует от тех, кого стремится удостоить привилегиями предлагаемой им терпимости, это лишь то, чтобы они не были атеистами, не придерживались мнений, враждебных гражданскому обществу [civil society] и исполняли и проповедовали долг терпимости ко всем людям в делах сугубо религиозных.

Таким образом, замысел автора, очевидно, показать, что все религии и секты на свете, совместимые с гражданским обществом и готовые терпеть друг друга, должны быть везде равно терпимы и защищены или, как это сказано в предисловии, должны пользоваться равной и непредвзятой свободой.

Я не думаю, что этот автор замышлял что-то дурное против религии в целом или христианской религии. И все же трудно понять, как он рассчитывал сослужить ей иную службу, советуя и убеждая в такой толерантности. Ибо как бы сильно это ни способствовало развитию

* © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: © Мельников Александр Авионирович (ORCID: 0000-0001-9782-2390). Оригинал: *Proast J. The Argument of the Letter Concerning Toleration, Briefly Considered and Answered // Locke on Toleration / ed. by R. Vernon. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010. — P. 54–66.*

¹ В продолжительной полемике Локк и Прост ссылаются на перевод Уильяма Пошла. Последовательность, с которой сам Локк цитирует в дальнейших письмах английский перевод латинского оригинала, часто считается достаточным свидетельством валидности этого перевода (здесь и далее — примечания переводчика).

торговли и коммерции (которую некоторые, кажется, ставят выше всех прочих соображений), я не вижу никаких разумных оснований и никакого проделанного опыта, свидетельствующего, что истинная религия как-либо выиграет от этого, лучше сохранится или шире распространится или же что станет плодотворнее жизнь тех, кто ее исповедует. Я уверен, что плоды и не столь большой толерантности (некоторые из которых мы еще пожинаем) не дают повода надеяться на какую-либо пользу от нее².

Но я не намерен спорить против этой толерантности, только исследовать, что наш автор предлагает в пользу своего утверждения, и испытать, достаточно ли в его доводах силы, чтобы вынести положенный на них вес. А это, я надеюсь, может быть сделано без особой пространности. Так, если я понял письмо, вся сила для названных им целей заключается в этом рассуждении:

Есть лишь один путь к спасению, иначе говоря, лишь одна истинная религия. Никто не может быть спасен этой религией, если не верит в нее как в истинную. Эта вера происходит в человеке от доводов и аргументов [reason and arguments], а не от силы и принуждения. Следовательно, вся эта сила бесплодна для продвижения истинной религии и спасения душ. И следовательно, ни у кого нет права использовать силу и принуждение для обращения человека к истинной религии: ни у частного лица, ни у духовного лица (епископ, священник, и другие), ни у церкви и религиозной общины, ни у гражданского правителя [magistrate].

Это, при тщательном прочтении, я принимаю за финальный аргумент, которым автор стремится утвердить свою позицию³. И будь каждый пункт здесь убедительно доказан, я был бы вынужден признать, что он не нуждается ни в чем более для осуществления своего замысла. Но убедителен ли его аргумент, во всех его составных частях, я теперь и буду испытывать.

Касательно первых двух утверждений, я не имею разногласий с автором и полностью солидарен с ним.

²Смутность этой формулировки не ускользнула от едких выпадов Локка во втором письме (см. Locke, 1824: 65), но даже в более поздних письмах Прост не слишком конкретизировал, что имеет в виду, уточняя в третьем письме, что речь идет о различных сектах и ересях.

³Прост преподносит этот пассаж словно цитату из Локка, но это лишь самостоятельное резюмирование аргумента из Письма.

Что до третьего, я готов признать, что доводы и аргументы — единственно пригодные средства привести ум к истине, не очевидной благодаря собственному свету, и что сила не годится в качестве замены доводам и аргументам. Ибо кто не знает, что «природа рассудка [understanding] такова, что его не принудить к вере внешней силой».

Но, тем не менее, если сила используется не вместо доводов и аргументов, т. е. не чтобы убедить своей собственной эффективностью (что невозможно), но лишь чтобы побудить рассмотреть те доводы и аргументы, которые для этого пригодны и достаточны, но без применения силы вовсе не рассматриваются, то кто станет отрицать, что так — не напрямую и опосредованно, — сила может послужить обращению людей к истине, которая иначе — из-за беззаботности и невежества — осталась бы им незнакомой или — из-за предубеждений — слепо отвергнутой под видом заблуждения.

И поэтому мы видим, как мало истины в четвертом утверждении, что «Вся эта сила бесплодна для продвижения истинной религии и спасения душ». Ибо если сила, примененная вышеуказанным образом, может послужить людям к восприятию и принятию истины, неясно, почему это не должно быть верно по отношению к истинам религии и в отношении любых других истин. Так как истинная религия, принятая к рассмотрению под воздействием силы, не становится менее истинной от того, что так принята, ничто здесь не лишает ее богоугодности [acceptableness] в большей степени, чем то послушание, к которому сам Бог побуждает посредством наказания и воздаяния.

Стало быть, для прояснения вопроса необходимо рассмотреть только, есть ли какая-либо надобность во внешней силе для приведения человека к истинной религии и, соответственно, спасения. Ибо я признаю, что такая сила, ежели она не нужна или не необходима, не подходит как средство для данной цели (как и для всякой другой). Но если же она обычно нужна для нее, я полагаю, что уже сказанное можно счесть достаточным свидетельством ее полезности.

Здесь я допускаю, что будь все люди столь верны собственным душам, чтобы искать путь к их спасению с усердием и тщательностью, достойными важности дела, со свободным от предрассудков и страстей умом, могло бы и не быть надобности в силе, заставляющей [compel] какого-либо человека делать то, что он сделал бы и по своей воле и желанию.

Но далее необходимо допустить вдобавок, что будь оно так, то в силу того, что лишь одна религия истинна, других бы в мире и быть не могло. Ведь (если мы верим Писанию) никто не заблудится на пути

к спасению, если будет искать его как следует, а в нашем случае все люди предполагаемо ищут его. Но нет более печального факта, чем то, что люди, пустившись во многие помыслы⁴, надумали и множество религий, так что ни в чем мир не разделен так, как относительно пути к вечному блаженству, а это с очевидностью доказывает, что люди не искали истину с тем приложением ума и с той свободой суждения, которые обуславливали бы ее разыскание.

И ибо все ложные религии, которые сейчас по миру в ходу, можно резонно полагать происходящими из легкомысленных и предвзятых [slight and partial] соображений, которыми довольствовались их создатели в разысканиях истины, одолеваемые вожделениями и страстями, примешивающимися к их суждениям и управляющими их исследованиями, — очевидно наблюдение, что, несмотря на обилие религий в мире, из которых лишь одна истинная, ни в чем люди не нуждаются так, как в соображении, по которому они смогут выбрать между ними. Это в самом деле странно: но все же всякий, кто внимательно вглядывается в мир, должен видеть, что в этих делах впечатления от образования, почитание и восхищение людьми, уважаемыми в мире и тому подобные неуместные [incompetent] мотивы решают куда больше, чем разумные доводы и соображения, способные и пригодные проявлять истину вещей.

Не сложнее заметить, что какую религию люди ни принимали бы без разумных доводов, они и в следовании ей редко прислушиваются к разуму. То, что сперва препятствует должному рассмотрению вещей, побуждая людей выбирать необоснованно, впоследствии повсеместно отвращает людей от размышления и в том, что они так выбирают. К тому же, люди, как правило, слишком тщеславны в суждениях, и склонны ценить то, что выбрали, уже потому, что выбрали это, и это предубеждает ум против всего, что может быть сказано в возражение их выбору, убеждая их, будто ничего в этом роде не заслуживает их внимания. К этому я могу добавить, что когда люди раз принимают религию, она становится их собственной, и одного этого (такова сила себялюбия) хватает, чтобы заставить их любить ее, подобно тому как люди склонны души не чаять в своих детях, потому что это их дети, даже если помимо этого сказать им в их пользу почти или совсем нечего. И это также отвращает их от рассмотрения всего, что может быть предложено против их религии или в поддержку какой-либо иной.

⁴«sought out many inventions» — возможна скрытая цитата Простом Екк. 7:29 («Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы»).

Но хотя столь обыденно для людей и выбирать, и упорствовать в своей религии без обращения к доводам разума, нужно признать, что так поступающие не желают думать о себе в таком роде или что другие бы так о них думали. Но тогда это заставляет их смотреть, как их лидеры и подвижники склонны отбивать выпады оппонентов, и так, изучая лишь одну сторону споров, они еще больше убеждаются в избранном пути, думая, будто могут показать его разумность⁵. И когда доходит до того, что такая видимость разума сходится с их предрассудками и страстями, они совсем удаляются от мысли, что могут быть не правы и больше не имеют терпения выслушивать строго и беспристрастно обе стороны спорных вопросов, отвергают это предложение с презрением, злятся на тех, кто так их утруждает.

И если так обстоит дело (что, полагаю, не может вызвать сомнений, будучи общенаблюдаемым), если люди столь чужды должного рассмотрения вещей там, где это в их наибольших интересах, если они обычно принимают религию, не изучая ее должным образом, приходят к такой уверенности и непреклонности в своих предрассудках, что ни самые кроткие увещания, ни самые убежденные мольбы не затрагивают их — что остается (кроме милости Божией), дабы оградить их от избранного ими ложного пути, как не обрамить сам путь тернами и препонами⁶? Коли они глухи ко всем убеждениям, встреча с неудобствами может хотя бы прервать их поступь и побудить прислушаться к словам, что они ошиблись путем, и предложениям указать верный. Когда люди бегут от средств верного познания [information] и даже не думают, сколь разумно было бы тщательно и непредвзято рассмотреть религию, принятую под влиянием таких побуждений, на которые не следовало бы здесь полагаться, и потому практически без изучения надлежащих оснований — какой человеческий метод — помимо наказаний, уравнивающих тяжесть предрассудков, склоняющих их предпочитать ложное истинному — мог бы побудить их вести себя по-человечески

⁵ «show that they have reason on their side». Подобное выражение тоже может иметь библейские корни, например: «The LORD is on my side; I will not fear. What can man do to me? The LORD is on my side as my helper; I shall look in triumph on those who hate me» (Psalm 118:6–7), в русском синодальном переводе этому соответствует 117 псалом, «Господь за меня — не устрасу: что сделает мне человек? Господь мне помощник: буду смотреть на врагов моих».

⁶ и оставлю его в запустении: не будут ни обрезать, ни вскапывать его, — и зарастет он тернами и волчцами, и повелю облакам не проливать на него дождя. (Ис. 5:6).

в столь важном деле и сделать более мудрый и разумный выбор, возвратить им трезвость и рассудительность для серьезного вопроса: стоит ли таких неудобств следование религии, которая, исходя из того, что они знают, может быть ложной, или отрицание другой (если таковое имеет место), которая, исходя из того, что они знают, может быть истинной, пока они не представят ее на суд разума [bar of reason] и не подвергнут там честному испытанию? Там, где наставление попросту отвергается, а все увещания и убеждения тщетны, нет места иному методу, и потому я уверен, что он достаточно нужен, и хорошо, если он достигнет желаемого. А в успешности этого метода (если применять его верно) нет оснований сомневаться при лечении тех, кто не совсем неизлечим, тогда как неизлечимых надлежит оставить Богу.

Я говорю, если применять верно, т. е. если применяемая сила должным образом взвешена по отношению к замыслу. Ибо, хотя по предложенным здесь основаниям я считаю в целом ясным, что внешняя сила не бесполезна и не излишня, чтобы привести людей к действиям, потребным для спасения их души, я не говорю, что все виды и степени силы пригодны для этой цели. Но, определяя точно и на достойных основаниях справедливую меру, все это может быть применено ровно для оговоренной нами цели и не более, что может потребовать некоторого рассмотрения. Для меня, признаюсь, это кажется единственным вопросом, дающим здесь почву для полемики.

Вот здесь я должен полностью согласиться с автором, что «преследовать людей огнем и мечом», или «лишать их имущества, подвергать телесным наказаниям, морить голодом и истязать в зловонных тюрьмах, и, наконец, отнимать жизни, чтобы сделать их христианами» есть извращенная форма желания спасти тех, с кем так обращаются. И что

очень трудно убедить разумных людей, будто тот, кто, не моргнув глазом, с чувством удовлетворения, отдает брата своего палачу гореть заживо, искренне и сердечно обеспокоен спасением этого брата от пламени в царстве грядущем⁷.

⁷«it will be very difficult to persuade men of sense that he, who with dry eyes, and satisfaction of mind, can deliver his brother to the executioner to be burnt alive, does sincerely and heartily concern himself to save that brother from the flames of hell in the world to come» — здесь Прост точно цитирует английский перевод Поппла. В переводе Федорова (Локк, Федоров, 1988: 105) выглядит так: «нелегко убедить разумных людей в своем пылком и искреннем желании спасти в жизни будущей брата своего от геенны огненной тому, кто безжалостно и с готовностью отдает его в этой жизни палачу для сожжения».

И (помимо явной абсурдности отнятия жизни у людей, чтобы сделать их христианами) я не могу не заметить, что эти методы столь неадекватны своим целям, что обычно производят обратный эффект. В то время как вся польза силы для продвижения истинной религии и спасения душ заключается, как было показано, в том, дабы расположить людей добросовестно выслушать просветляющие ум доводы и тем открыть им истину, подобные жестокости рассматриваются как предрассудок для всякой использующей их религии и совсем не побуждают взглянуть глубже, соблазняют отвергнуть такую религию как ложную и отвратительную, даже не испытывая разумность ее оснований и мотивов. Редко избегают они этого эффекта на того, к кому применяются. Да и на зрителей, если их сперва не просветить хорошенько насчет этих оснований и мотивов, они влияют сходно, не только вызывая похожее отношение к такой религии, но и благосклонность к мнению жертв, которые, как им кажется, не стали бы подвергать себя мучениям, которых могли бы избежать, не будь они полностью уверены в правоте своего дела.

Эти суровости я потому считаю совершенно непригодными и неспособными привести людей к истине, которая должна их спасти. Но как далеко в этих рамках может простираться сила, действительно полезная для поставленной цели, я не берусь определить. Быть может, можно ограничиться ответом, что то количество силы или наказаний, коего обычно достаточно, чтобы побудить взвешивать религиозные соображения внимательно и непредвзято людей в общем благоразумных, а не отчаянно суровых и упрямых и то количество силы или наказаний, без которого этого не делается, можно разумно использовать в интересах истинной религии и спасения душ.

И если это четвертое утверждение неверно (каким оно теперь и кажется), то последнее, на нем основанное, должно пасть следом. Это утверждение, что ни у кого нет права использовать внешнюю силу и принуждение для обращения человека к истинной религии: ни у частного лица, ни у духовного лица (епископ, священник, и другие), ни у церкви и религиозного сообщества [religious society], ни у гражданского правителя.

И конечно, если есть столь большая польза и надобность во внешней силе (подобающе выверенной и примененной) для продвижения истинной религии и спасения душ, как я стремился здесь показать, это аргумент и в пользу того, что где-то должно быть право использовать силу для этой цели, как и бесполезность силы (если бы ее можно было показать) показывала бы, что никто не должен был бы иметь такого

права. Это и есть суть спора: если всякая сила и принуждение совершенно непригодны для этой цели, то всякое ее употребление было бы злоупотреблением, на которое никто не имел бы права, но если, напротив, такая степень внешней силы, как была отмечена, может иметь весомую или даже необходимую пользу (как оно и кажется, если мир таков, каким мы находим его), то нужно признать, что есть где-то право использовать ее в данных целях; иначе мы говорили бы (что нельзя говорить, не впадая в нечестие), что мудрый и милосердный распорядитель и управитель всего сущего не снабдил человеческий род уместными средствами для воцарения своей же славы в мире и для блага душ.

А ежели такое право есть, то где ему быть, как не в принуждающей силе? Она и вообще, и в отношении к обществу находится у гражданского властителя [civil sovereign] (кого автор называет гражданским магистратом) и у тех, чей авторитет происходит от него, но также, в меньшей степени, у родителей, глав семей, воспитателей и т. д. Ибо я согласен с автором, что⁸

- (1) ни одно частное лицо (если он подразумевает под этим лицо, не имеющее принудительной [coactive] власти над другими), «не вправе каким-либо способом посягать на гражданские права другого», в силу того, что он принадлежит к другой религии или церкви. Ибо как можно без принудительной власти иметь право ей пользоваться по тому или какому угодно иному поводу?
- (2) ни один служитель церкви, сам по себе,
- (3) ни церковь или религиозное сообщество не имеют внешней принудительной власти, стало быть, ни те, ни другие не могут использовать эту власть под любым предлогом (хотя должен признаться, что не постигаю, почему священнослужители и клирики обладают этой властью в меньшей мере, чем прочие люди).

Но в отношении гражданского правителя наш автор говорит нам, что «государство [commonwealth] видится ему как сообщество людей, учрежденное лишь для обеспечения, сохранения и продвижения их собственных гражданских интересов [interests]»⁹. Под этими интересами, поясняет он, имеется в виду «жизнь, свобода, здоровье и непринужденность [indolence] тела, и владение внешними вещами, как то: деньги, земли, дома, мебель, и тому прочее». И согласно этой гипотезе, он убеждает нас, что

⁸В оригинале разбивки на пункты нет.

⁹В переводе Федорова (Локк, Федоров, 1988: 94) *interests* переведено как «блага».

вся юрисдикция правителя простирается только лишь на эти гражданские дела, и что вся гражданская власть, право и полномочия определяются и ограничиваются единственно заботой об этих вещах, что ни в коем смысле не должно и не может быть расширено до спасения души.

В ответе на это¹⁰:

- (1) я признаю (как, по-видимому, и автор), что юрисдикция правителя должна быть соразмерна целям, с которыми учреждается государство, ибо напрасно объединяются люди в сообщества, которые мы называем государствами, если их властители не наделяются достаточными силами достичь цели, ради которой эти сообщества задуманы. Но затем,
- (2) я должен сказать, что наш автор лишь заминает вопрос, когда признает, что государство учреждается лишь для обеспечения, сохранения и продвижения гражданских интересов своих членов. Что государства учреждаются с этими целями, никто спорить не будет. Но если есть и другие цели помимо этих, достижимые гражданским обществом и правительством, необоснованно говорить, что только для этих целей государство задумано. Несомненно, государства учреждаются для достижения всех преимуществ, что могут быть предоставлены политическим управлением. И, следовательно, если духовные и вечные интересы человека могут быть как-то обеспечены и продвинуты политическим управлением, обеспечение и продвижение этих интересов должно быть на полном основании признано среди целей гражданских обществ и потому, соответственно, подпадать под юрисдикцию правителя.

Но наш автор предлагает три довода, которые, как ему видится, «полностью показывают, что гражданская власть и не может, и не должна распространяться на спасение душ»¹¹. Во-первых, «потому что забота о душах возложена на гражданского правителя не больше, чем на любого другого человека». Это не видится доводом вовсе, но лишь обоснованием вещи ею же самой под другим именем. Ибо распространить гражданскую власть на спасение души и значит сказать,

¹⁰В оригинале разбивки на пункты нет.

¹¹В *Locke on Toleration*, 2010: XV три этих аргумента именуются как аргумент от мандата власти [mandate], аргумент от убеждения [belief], и аргумент от заблуждения [error]. Другие варианты именованья: *consent argument, rationality argument, truth argument* (Tate, 2016: ch. 5), *from authority, from belief, from fallibility* (Casson, 2022).

что забота о душах возложена на правителя больше, чем на любого другого человека. И, следовательно, сказать, что

гражданская власть и не может, и не должна распространяться на спасение душ, поскольку забота о душах возложена на гражданского правителя не больше, чем на любого другого человека

все равно, что сказать:

Гражданская власть и не может, и не должна распространяться на спасение душ, поскольку гражданская власть и не может, и не должна распространяться на спасение душ.

Но, двигаясь дальше, если верно мной сказанное, отсюда следует, что помимо обязанностей милосердия [charity], возлагаемых на всех людей, особенно христиан, по отношению к душам друг друга и забот, возложенных на соответствующих служителей религии, кто по особому полномочию призван не просто увещевать, наставлять, обличать и исправлять духовными порицаниями тех, кто, признав истину, нашел себя обязанными подчиниться их духовному владычеству, но и искать заблудших, стремиться должным поучением наставить на верный путь того, кто никогда не знал пути, уменьшить число тех, кто сбился — так вот, помимо этой братской заботы, общей для всех, и пасторской, которая сугубо духовна и взаимодействует непосредственно с людской совестью, есть и внешняя, более отдаленная забота о душах. Она исполняется не только в виде мирских наказов [temporal sanctions] духовным лицам исполнять их обязанности, а признавшим их авторитет — относиться к ним с почтением, но и наказывая тех, кто отказывается принять их учение и подчиниться их духовному руководству [spiritual government] так, чтобы побудить переосмыслить себя, не позволить глупой шутке или пустому предрассудку отвлечь от истины и собственного счастья. Такая забота о душах, которая может принадлежать лишь гражданскому правителю, должна, как я думаю на основании сказанного, действительно быть на него и возложена.

Но наш автор пытается доказать обратное. «Это не возложено, — говорит он, — на него Богом, поскольку не похоже, что Бог давал кому-либо такую власть [authority] в отношении другого человека, как принуждать его к своей вере». Но это явно затрагивает сути дела. Ибо власть правителя не есть власть принуждать к религии, но только обеспечивать всем людям средства обрести путь к спасению и, насколько это в его силах, чтобы никто не остался в неведении насчет них или отказался

их принять, из-за нехватки ли использования этих средств или на основании таких предрассудков, которые могут сделать их бесплодными. И, конечно, такая власть может быть дана правителю Богом, хотя он и не дал никому власти принуждать к религии.

Наш автор добавляет:

Не может эта власть быть дана правителю и по согласию людей, ибо никто не зайдет так далеко в своем безразличии к спасению, чтобы слепо оставить ее на выбор другому, будь то государь или иное лицо, приписывающее, какой веры или богослужения ему надлежит придерживаться.

На это я отвечаю: ибо власть правителя в отношении к религии определяется побуждением людей озаботиться своим спасением, они не могут совершать свой выбор слепо, ни другая личность, ни даже их собственные влечения и страсти не припишут им, как верить и служить богу; так что если предполагать, что правитель наделяется этой властью с согласия людей, это не означает их безразличия к спасению, но скорее обратное. Ибо если люди, в выборе своей религии предоставленные сами себе, так часто, как было показано, охватываются предрассудками и страстями или вовсе не внимают, или недостаточно внимают доводам и мотивам, которые одни и должны были бы определять их выбор, то в интересах каждого не быть здесь целиком предоставленным самому себе, но озаботиться, чтобы в столь важном для него деле его могли побудить даже вопреки склонностям, коли нет иного пути (что обычно и бывает) действовать в соответствии с разумом и здравым суждением. А тогда что лучше для этого, чем наделить подобной властью того, кто имеет меч? Не оттого, что я думаю, будто мечу надлежит быть здесь использованным (как я уже достаточно показал), но оттого, что вся принудительная власть решается в конечном счете мечом; ибо все (я не говорю, что в этом вопросе нет места для смягчающих наказания реформ), кто отказывается подчиниться меньшему наказанию, попадут в итоге под его удар.

Во-вторых, наш автор говорит:

забота о душе не может принадлежать гражданскому правителю, ибо его власть состоит лишь во внешней силе, но подлинная и спасительная религия состоит в убеждении ума, без которого она негодна Богу. А такова природа ума, что он не может быть приведен к мнению [belief] какой-либо внешней силой.

Но та забота о душах, которую я приписываю правителю, принадлежит ему потому, что он обладает внешней силой [his power consists in

outward force]. Ибо такая забота целиком состоит в приложении этой силы, в вышеописанном смысле, для обеспечения спасения душ. И эта внешняя сила может применяться для обеспечения спасения душ, даже хотя истинная и спасительная религия действительно состоит во внутреннем убеждении ума, и ум не может быть принужден к убеждению силой — что, как я надеюсь, вполне ясно из вышесказанного.

Третье соображение таково: «забота о душе не может принадлежать гражданскому правителю, ибо хотя бы даже суровость законов и сила наказаний и изменили бы убеждения людей, так не спаслись бы их души». Я верю ничуть не больше автора, что строгость законов и власть наказаний способны убеждать и менять умонастроения людей. (Хотя, надеюсь, показал, что умеренные наказания могут послужить убеждению и изменению умонастроений людей.) А если бы они могли добиться этого, признаюсь, я не вижу, почему же это не помогает спасению душ. Но мнение автора выражается далее:

Ибо есть лишь одна истина, одна дорога к царству небесному. Какова же надежда, что к ней придет больше людей, если им не будет дозволено ничего, кроме религии двора [religion of the Court]? Если они будут вынуждены избегать света собственного разума и требований собственной совести, слепо отдаваться на волю своих управителей в той религии, которой из-за невежества ли, амбиций или суеверий случилось установиться в родных их землях? В многообразии противоречащих друг другу религиозных воззрений государи разделены по всему миру так же, как и в интересах светских, и узкая дорога станет куда прямее: лишь одна страна будет права, а остаток мира обречен будет следовать за своими государями по пути в бездну [destruction], а это утверждает высший абсурд и совсем не согласуется с идеей Божества [notion of a Deity], предопределяя вечное блаженство и вечные муки лишь местом рождения¹².

¹²«For there being but one truth, one way to heaven, what hope is there that more men would be led into it, if they had no rule but the religion of the court, and were put under a necessity to quit the light of their own reason, and oppose the dictates of their own consciences, and blindly to resign themselves to the will of their governors, and to the religion, which either ignorance, ambition, or superstition has chanced to establish in the countries where they were born? In the variety and contradiction of the opinions in religion, wherein the princes of the world are as much divided as in their secular interest, the narrow way would be much straightened; one country alone would be in the right, and all the rest of the world put under an obligation of following their princes in the ways that lead to destruction, and that which heightens the absurdity, and very ill suits the notion of a Deity, men would owe their eternal happiness or misery to the places of their nativity».

В этом отрывке я полностью переписываю существующий перевод Локка с латинского языка на русский язык, в котором возникают существенные отличия по сравнению

Все это я признаю вполне верным. Но с какой целью оно здесь говорится, я не понимаю. Ибо кто требует, чтобы люди не имели другого указа [rule], помимо религии двора? Или чтобы они должны были избегать света собственного разума и требования своей совести, и слепо полагаться на волю своих управителей и т. д.? Разумеется, никто из тех, кто удостаивает религию серьезного отношения. Власть, которую я приписываю правителю, есть власть приводить людей не к его собственной, но к истинной религии, и хотя (как напоминает нам наш автор) «для каждого государя его религия ортодоксальна», если эта его власть удерживается в своих границах, она может служить на благо одной лишь религии истинной. Поскольку наказания, которые она позволяет накладывать, не таковы, чтобы искусить таких людей отказаться от религии, которую они считают истинной, либо исповедовать ту, в которую они не верят, всех, кому есть какое-либо дело до своего вечного спасения (а иных нечего и рассматривать), она может лишь побудить к пристальному рассмотрению своего разногласия с правителем, что может сподвигнуть их к познанию истины. И если при таком рассмотрении им доведется заключить, что истина не на стороне правителя, они тем самым обретут многое, даже от злоупотребления правителем своей властью: они теперь лучше знают, чем ранее, где находится истина. А весь вред, им так нанесенный, лишь в страдании от некоторых терпимых неудобств за следование свету собственного разума и требованиям собственной совести, что явно меньшая беда для рода человеческого, в сравнении с тем, чтобы решили, будто никакой такой власти на правителе быть не должно, а каждого нужно предоставить самому себе (как того требует автор). То есть, чтобы каждому человеку предлагалось молча и без малейшего беспокойства или вовсе не думать о своей душе, если ему так хочется, или в этой заботе следовать своим необоснованным предвзвешиваниям или неуместной иронии, или любому другому искусному соблазнителью, которого он соблаговолит взять за проводника.

с английским вариантом: «Ведь коль скоро только одна религия истинна, только одна дорога ведет к вечному блаженству, то разве остается надежда, что к нему придет больше людей, будь им дана лишь одна возможность: вопреки требованиям разума и совести слепо следовать тому учению, которое разделяет государь, и чтить бога так, как установлено это за конами предков? При таком многообразии религиозных воззрений государей эта ведущая на небо дорога неизбежно окажется узкой, а ворота — тесными и открытыми весьма немногим, и притом только из одной страны, и, что особенно абсурдно в этом деле и недостойно бога, в таком случае вечное блаженство и вечные муки предопределены всего лишь случайностью рождения» (Локк, Федоров, 1988: 96).

Из того, что сказано об этих соображениях, я надеюсь, вполне показано, — так как они не ведут нас к другим аргументам — что они далеки от демонстрации того, что тщатся доказать.

Так, я, по возможности кратко, испытал использованный автором аргумент в том, в чем он так хочет всех уверить, не пропуская ни одной части «письма», в которую была бы вложена часть его силы. И я надеюсь, что к этому времени рядовой читатель смог убедиться, что, хотя авторский замысел требовал показать, что всякая внешняя сила совершенно бесполезна для побуждения людей искать истину с вниманием и усердием, и свободой суждений, подобающим, чтобы найти истину и обрести с ней спасение, что хорошо бы обосновало его заключения; вместо этого, автор ограничился хорошей декламацией, что нельзя достичь силой того, чего можно достичь только доводами и аргументами и что негуманно, равно как и бессмысленно, использовать огонь, меч или смертную казнь, чтобы раскрыть людям глаза на их заблуждения и сообщить им истину. Прорекламировать последнее куда легче, чем обосновать первое, и оно может достигать того же успеха среди людей слабых и опрометчивых, но только не действительно служить заявленным целям.

ЛИТЕРАТУРА

- Locke D.* Послание о веротерпимости / пер. с лат. Н. А. Федорова // Сочинения. В 3 т. Т. 3 / под ред. И. С. Нарского. — М. : Мысль, 1988. — С. 91–134.
- Casson D.* Locke on Toleration : Rejecting the Sovereign Remedy // *The Lockean Mind* / ed. by J. Gordon-Roth, S. Weinberg. — London : Routledge, 2022. — P. 456–464.
- Locke J.* The Works. In 9 vols. Vol. 5. Four Letters Concerning Toleration. — 12th ed. — London : Rivington, 1824.
- Locke on Toleration* / ed. by R. Vernon. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
- Tate J. W.* Liberty, Toleration and Equality : John Locke, Jonas Proast and the Letters Concerning Toleration. — London : Routledge, 2016.

Proast, J. 2024. "Argument 'Pis'ma o tolerantnosti', v kratkom rassmotrenii, i otvet na nego [The Argument of the Letter Concerning Toleration, Briefly Considered and Answered]" [in Russian], trans. from the English and annot. by A. A. Mel'nikov. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 239–253.

JONAS PROAST

THE ARGUMENT OF THE LETTER CONCERNING TOLERATION, BRIEFLY CONSIDERED AND ANSWERED

Translation of: Proast, J. 2010. "The Argument of the Letter Concerning Toleration, Briefly Considered and Answered." In *Locke on Toleration*, ed. by R. Vernon, 54–66. Cambridge: Cambridge University Press.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-239-253.

REFERENCES

- Casson, D. 2022. "Locke on Toleration: Rejecting the Sovereign Remedy." In *The Lockean Mind*, ed. by J. Gordon-Roth and S. Weinberg, 456–464. London: Routledge.
- Locke, J. 1824. *Four Letters Concerning Toleration*. Vol. 5 of *The Works*, 12th ed. 9 vols. London: Rivington.
- . 1988. "Poslaniye o veroterpimosti [Epistola de tolerantia]" [in Russian]. In vol. 3 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by I. S. Narskiy, trans. from the Latin by N. A. Fedorov, 91–134. 3 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Tate, J.W. 2016. *Liberty, Toleration and Equality: John Locke, Jonas Proast and the Letters Concerning Toleration*. London: Routledge.
- Vernon, R., ed. 2010. *Locke on Toleration*. Cambridge: Cambridge University Press.